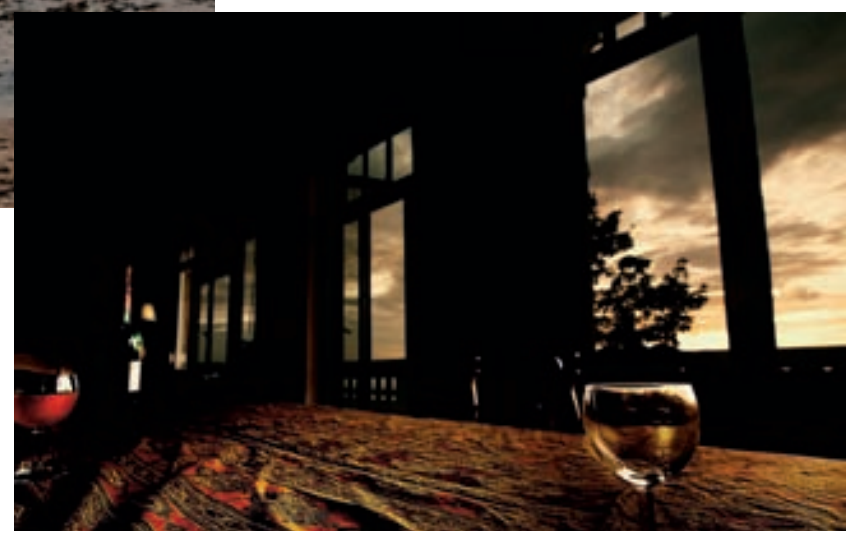
Мне нравилось, что он все время таскал меня на руках, чтобы я не намочила ноги, и интонация няньки, переживающей, что раму вешают слишком высоко



понравились мои фотографии, и он сильно покраснел, когда я предложила ему мне позировать. Он был красив как икона и как могут быть красивы только двадцатитрехлетние магребинцы. В какой-то момент мы с дочерью поняли, что в ночной клуб он уже не поедет. Он остался со мной. Вечером вернулись из гольфа мой второй муж и тот, самый первый и самый главный, который отогрел меня двадцать лет назад и продолжал греть каждый раз, когда я впадала в грусть от вечных конфликтов с моими новыми французскими соотечественниками. Он в гольф не играл, но елку наряжать тоже не любил. За двадцать лет я выучила все его шутки, но по-прежнему смеялась, пересматривая эпизоды того фильма, который остался в старом московском телевизоре. А он не нашел новой поклонницы своего таланта и по привычке проводил праздники со мной и тем, кто растил его дочь. Она не была близка ни с одним из своих отцов, и единственное, что ее волновало – кто из них поведет ее к алтарю.

На Новый год мой французский муж уехал. Типичный картезианец и результат иезуитского воспитания, в будни он не был с нами, так как много работал, а в праздники оставаться с семьей считал мещанством. За пятнадцать лет совместной жизни он не запомнил дату дня моего рождения и на всякий случай всех русских женщин звал Татьянами. Меня звали Наталья, но я не спорила.

Для оставшихся со мной я приготовила поросенка, забыв, что из-за нелюбви к свинине люди становятся мусульманами. Больше есть было нечего, и тогда я предложила пойти на пляж фотографироваться. Мы вынесли на берег всю мебель, испуганные и возбужденные тем, что нас могли принять за воров и мы проведем Новый год в полиции. Мою дочь эта идея очень вдохновляла. Она орала во все горло, пытаясь привлечь внимание ответственных соседей, а моему сыну больше всего понравилось, что сначала я заставила его нового большого друга ходить по пляжу с пылесосом, а потом он приколачивал к небу пустую раму. А мне нравилось, что он все время таскал меня на руках, чтобы я не намочила ноги, и еще совершенно серьезная интонация няньки, переживавшей, что раму вешают слишком высоко.

Бывшему мужу не нравилось ничего, и он все время просидел в кресле, делая вид, что читает. Никому из нас не казалось, что мы группа сумасшедших. Спустя несколько дней за ужином сын радостно сообщил всем, что у него теперь есть папа, который очень смешной и пылесосит пляжи. Два дня мужья меня ругали, а потом выпили кальвадосу – и все стало как всегда.

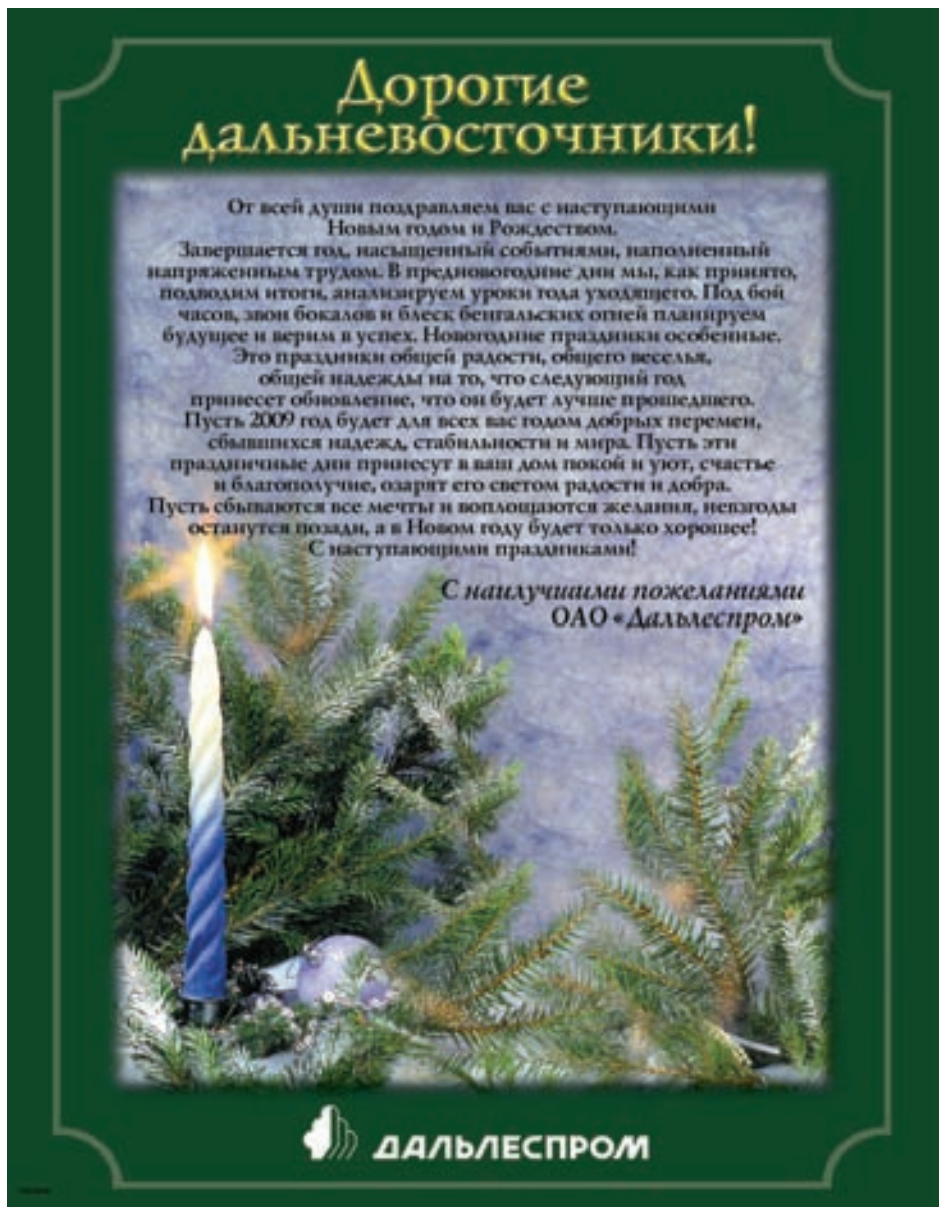
...Он долго мне писал. Я любила его стиль и ту легкость, с которой он говорил о безнадежности жизни без меня. Через полтора года письма приходить перестали.

Эпилог. ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

В шестьдесят лет я умерла от старости. Дом решили продать. Дочь жила в Лондоне с мужем, а сын в свои двадцать три не интересовался дождливой Нормандией. Собраться в доме вместе в последний раз они могли только на Новый год. Я очень их ждала. В первые же пять минут мы поняли, что оставаться в большом особняке, в котором больше нет звуков, было невыносимо. Решено было пойти в когда-то любимый мною ресторан. Дочь предложила подарить одну или две мои фотографии хозяину ресторана. Снимая их со стены, она сказала: «Мам, вот ты мечтала о выставке – и у тебя она будет. Это наш новогодний подарок тебе».

Хозяин подарку обрадовался и тут же повесил фотографии над баром.

– А что стало с этим парнем? – спросил сын у сестры, глядя на черно-белый пляж, по которому много лет назад мы таскали пылесос, кресла и ковры.

– Ты не знаешь? Мама считала, что ему надо строить свою жизнь, а не околачиваться все время рядом с ней. Она сделала много его портретов, а он с удовольствием таскал ее аппаратуру. Ему было совершенно неинтересно строить другую жизнь. Тогда она перестала его пускать. Он очень мучился, но мы думали, что это пройдет. Потом мы узнали, что он ушел в Иностранный легион. Больше о нем никто не слышал, хотя я знаю, что она его искала.

Наступил Новый год. Они выпили за новую жизнь. Я не слышала, о чем они говорят. Фотография, с которой я за ними наблюдала, висела слишком далеко от их стола, и к тому же мне мешал шум пылесоса.